

Супрун считает своё дело политическим Профессор истории из Архангельска ждёт обвинения за подготовку Книги памяти

Архангельск (ОРНИС) - Обвинение по делу архангельского профессора Михаила Супруна и полковника милиции Александра Дударева, помогавшего историку в подготовке Книги памяти репрессированных российских немцев, до сих пор не предъявлено. Михаил Супрун утверждает, что не знает, в чём конкретно его обвиняют, и отказывается давать показания.

В начале ноября уголовное дело в отношении профессора Поморского государственного университета (ПГУ) Михаила Супруна и начальника информационного центра УВД Архангельской области Александра Дударева было передано из областной прокуратуры на более высокий уровень – в следственный отдел прокуратуры по Северо-Западному федеральному округу. Передачу дела из Архангельска в Санкт-Петербург объяснили «спецификой материалов» и тем, что оно вызвало слишком большой общественный резонанс, в том числе на международном уровне. После этого в СМИ появилась информация, что 13 декабря Супруну и Дудареву, уже три месяца имеющим статус подозреваемых, предъявят официальное обвинение и дело будет передано в суд. Однако этого не произошло.

Михаил Супрун не скрывает, что за три с лишним месяца очень устал от этой истории. Допросы студентов и преподавателей кафедры отечественной истории ПГУ, которую он возглавляет, изъятие рабочего и домашнего компьютеров с большим количеством исследовательского материала, опасения, что ему могут «что-нибудь подбросить» держат профессора в постоянном напряжении. Всё это время Супрун не давал интервью, до конца ноября он находился под действием подписки о неразглашении тайны следствия.

Несколько дней назад подписку с него сняли. У историка появилась возможность высказать своё мнение по этому делу, которое началось 13 сентября с задержания Супруна, его аспирантки Надежды Шалыгиной и полковника Александра Дударева. Впоследствии обвинения с аспирантки были сняты. Полковника Дударева объявили подозреваемым в превышении должностных полномочий – за то, что пустил исследователей в архив УВД и позволил снимать копии с дел немцев-спецпереселенцев. А Супрун стал подозреваемым в нарушении неприкосновенности частной жизни и в подстрекательстве должностного лица к превышению полномочий.

За «незаконное собирание сведений о частной жизни лица, составляющего его личную, семейную тайну» профессору Михаилу Супруну грозит четыре месяца тюрьмы или штраф в 200 тысяч рублей. Если следователи докажут «подстрекательство должностного лица», то есть Александра Дударева, то

работа по составлению Книги памяти репрессированных немцев может обернуться для ученого четырьмя годами тюрьмы.

На встречу с корреспондентом ОРНИС профессор Супрун приехал поздно вечером, после приема экзаменов у студентов. На лице - нервозность и усталость.

- Пока еще дают работать. Но на историческом факультете допрашивают всех. И преподаватели, и студенты очень нервничают. Сотрудники органов задают неприятные вопросы, в том числе о моей личной жизни, стараясь найти любой компромат на меня. Я не могу полноценно работать, так как все материалы, связанные с работой кафедры, изъяты. Сын по этой же причине не смог защитить дипломную работу, его тоже вызывают на допросы. Все это оказывает крайне тяжёлое психологическое воздействие. Сам я показания не даю, законные основания для этого есть. Боюсь интерпретации моих слов по отношению к тем, кто проходит по делу как свидетель. А дело это, по большому счету, политическое.

- Договор на создание «Книги памяти», как утверждают некоторые источники, действительно был составлен с нарушениями?

- Не думаю. Все юридические тонкости были учтены. Первый договор о сотрудничестве в научной области между ныне покойным ректором ПГУ Владимиром Булатовым и тогдашним и.о. начальника УВД был заключен в январе 2007 года. В соответствии с ним студенты и преподаватели исторического факультета имели право работать в архиве УВД. Сотрудники милиции не раз сами просили нас помочь в составлении книг памяти, посвящённых грекам, полякам, раскулаченным гражданам СССР, высланным на Север. На основе этого договора весной 2007 года было составлено соглашение о подготовке Книги памяти репрессированных российских немцев, инициированное Российско-немецким домом (РНД) Архангельска. Поскольку человек, руководивший работой РНД, вскоре эмигрировал в Германию, соглашение было передано в Поморский университет. Его подписали представители германского Красного Креста, ректор ПГУ Владимир Булатов и начальник информационного центра УВД по Архангельской области Александр Дударев. Он, правда, подписал не на равных основаниях, ведь свою подпись должен был поставить начальник УВД. Дударев подписал «согласовано».

- Договор изначально предусматривал передачу в Германию сведений о репрессированных российских немцах и немцах-военнопленных?

- Конечно, немецкий Красный Крест и родственники репрессированных крайне заинтересованы в поиске этих людей. На первом этапе проекта мы должны были создать биограммы репрессированных. К биограмме прикладывались две страницы анкеты с персональными данными и последняя страница личного дела с информацией об амнистии.

Эти данные мы вводили в программу, которая дает возможность обобщить информацию для аналитических материалов: сколько человек отбывали наказание в таком-то районе, поло-возрастной и социальный состав осужденных, и так далее. По результатам работы мы готовились провести несколько семинаров и конференций, напечатать сборники статей. И только на последнем этапе проекта предполагалось создание Книги памяти. Наш партнёр из Германии, председатель Общества исследователей истории немцев из России 75-летний доктор Антон Бош серьезно болен, поэтому немцы нас торопили. Мы успели передать им две тысячи биограмм. Оставшиеся шесть тысяч вместе с компьютерами изъяли следователи прокуратуры.

- Вы не раз заявляли о парадоксальности этого уголовного дела. Но некоторые юристы утверждают, что формально вы не правы, нужно было получить разрешение у потомков людей, информацию о которых вы собирались опубликовать...

- Дело моего дяди Михаила Романова, известного краеведа, упомянуто в трехтомнике «Поморский мемориал», ответственным редактором которого является нынешний глава следственного комитета архангельской областной прокуратуры Юрий Шперлинг. В составлении этой «Книги памяти» участвовало и УФСБ по Архангельской области. Чего стоит мне сейчас написать бумагу о том, что я не хочу, чтобы имя моего дяди было упомянуто в Книге памяти? Это, мол, моя личная и семейная тайна... Я, конечно, этого делать не буду. Но оцените парадоксальность ситуации! Закон не дает определения личной и семейной тайны. А если ее трактовать так, как толкует следствие по моему делу, то надо привлекать к ответственности всех историков и журналистов за сбор материалов при составлении энциклопедий, биографических словарей. В России всего несколько юристов специализируются на частном и семейном праве. Один из них – Иван Павлов, адвокат и правозащитник из Санкт-Петербурга. Он охарактеризовал мое дело как «нонсенс». Та информация, которую мы собирали, не может быть расценена как личная, частная или семейная тайна. Тем не менее, человек, который подал заявление о нарушении его права на частную жизнь, предъявляет претензии. Без проблем, давайте мы уберем имена его родственников из списков репрессированных, тем более что Книга памяти ещё даже не создана. Так нет же, почему-то заводится уголовное дело.

- Раз дело могло быть решено в частном порядке, почему тогда такой резонанс, как вы думаете?

- Я не знаю, за что они зацепились. Могу предположить, что это связано с моей научной и общественной деятельностью. Я пишу то, что думаю. Если я поставлю себе цензурные барьеры, мне будет стыдно за то, что написал. В 1999 году я вывез из США уникальные документы: дневник Молотова, записи бесед Молотова и Гитлера, ежегодные отчеты Андропова Брежневу, документы о базировании немецких подлодок в Мурманске... По одной из

тем я опубликовал аналитическую статью в Норвегии в 2002 году. Остальные документы я не печатал, но информация, видно, просочилась, куда надо.

- Документы были вывезены и опубликованы почти 10 лет назад. Почему некая реакция на этот факт появилась только сейчас?

- Возможно, повлияло создание комиссии "по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России". Может быть, то, что прозвучало как сигнал от президента, в некоторых российских регионах восприняли как руководство к действию. Могла повлиять и моя общественная деятельность. В прошлом году я баллотировался в ректоры ПГУ. Хотелось воспользоваться возможностью озвучить свое мнение о необходимости перестройки вуза в соответствии с мировыми стандартами. Мне есть, что сказать. То, что я предлагал сделать в университете ещё 10 лет назад, начинают воплощать только сейчас. К примеру, на Западе научные изыскания на 70-80 процентов финансируются за счет грантов. В Архангельске же с этим пока не научились работать. Недавно мы с одним из депутатов Государственной думы решили продвигать федеральный закон о грантовом принципе финансирования науки.

- Приближается 65-летие окончания Великой Отечественной войны. Вы будете публиковать статьи по этому поводу, ведь вы являетесь признанным специалистом по этой теме?

- Я ничего писать не буду. Упаси Боже! Хотя уже наполовину подготовлена большая книга по истории Архангельска в дни войны. Думаю, к юбилею войны российские историки будут издавать крайне осторожные статьи. А о Книгах памяти можно забыть. Какой архив УВД после моего дела пустит исследователей? Любой архивист будет перестраховываться.

- Михаил Николаевич, вы не думаете после окончания уголовного преследования уехать на Запад? Вас наверняка с радостью примут многие университеты, с которыми вы сотрудничаете?

- Я не хочу уезжать из Архангельска. Мне предлагали работать в Санкт-Петербургском государственном университете, в Академии наук, в вузах Европы и США. Но от столичных университетов я отказался осознанно. Там меньше свободы творчества. В Архангельске я чувствую себя свободнее, могу собирать международные форумы, публиковать то, что считаю нужным. Вернее, чувствовал и мог... До недавних пор никто на меня не давил. Кроме того, есть и личная связь с городом. Мое имя – Михаил, отчество – от имени Николай. Это главные святые на Севере. Меня всегда привлекало место расположения одного из архангельских монастырей на улице Урицкого. Я переехал в тот район с огромным удовольствием. Один мой знакомый сказал, что это место, где ангелы летают. Это - мое место. На историческом факультете сложился замечательный коллектив, у нас отличные студенты. Ну, уеду я, кто от этого выиграет?

Светлана Кузнецова, Ирина Корнева (© ORNIS, 16 декабря 2009)

ОРНИС предлагает тексты и фотографии для перепечатки. Использование, без изменений и сокращений и с указанием источника, бесплатно. Просьба присылать в редакцию ОРНИСА авторский экземпляр.